

ТРИ РУБЛЯ ОТ ЭСМЕРАЛЬДЫ

Ехал я однажды на своем «жигуленке» по магистрали Гомель-Брянск, тогда, в 80-х, еще, сравнительно с нашим временем, мало... чуть не сказал малолюдной, но правильной все-таки — маломашинной. Магистраль эта проложена так, что небольших районных городов едва касается, а деревни и вовсе остаются где-то далеко в стороне, видны только стрелки указателей поворотов к ним с километрами. Зато любуйся пейзажами сколько хочешь. А в одном месте я даже заметил ветряную мельницу, старую-престарую, выцветшую, уже и без перьев на крыльях, то есть без полотна, лет тридцать стоящую без работы из-за внедренного электричества, но все еще неразобранную, словно испанский памятник Дон Кихоту на земле русской.

И вот мое любование и задумчивость с ветерком прерываются: на обочине дороги стоит с поднятой рукой юная девушка, по виду цыганочка. Вообще-то я люблю ехать один, чтоб можно было без помех думать о чем-то своем. А тут — ну как не остановиться. Торможу, карета подана, открываю правую переднюю. Цыганочка садится. И пока она примерялась к ремню, вдруг — о, поймался на наживку! — выползает из кустов... тоже цыганочка, только очень древняя, настоящая старуха Изергиль. Пришлось открыть и ей, заднюю левую. Уселись, покатали. Девушки сказали, что ехать им совсем немного, километров семь. Действительно, очень мало, надо успеть что-то сказать сидящей рядом Эсмеральде. Я стал ей говорить, что с ее неземной красотой и грацией ей надо не по деревням шастать, по пыльным проселкам и улочкам, выманивая деньги у доверчивых, а выступать на сцене театра «Ромэн», я знаю Сличенко — хочешь, познакомлю, он возьмет тебя, ты станешь звездой... Изергиль из-за плеча — мне: «А хочешь, она тебе погадает?» — «Нет-нет, ему не надо, он сам все знает», — открыла наконец прекрасный ротик Эсмеральда.

На самом деле никакого Сличенко я не знал, но при необходимости мог бы выловить и преподнести ему мою прелесть, я человек слова. Не только слова, но и дела. А поэтому не очень и врал. Преподнести руководителю театра именно невиданную

прелесть, хотя к цыганам относиться так, как только может относиться я — человек, у которого цыгане в детстве стырили топор. Мы жили в лесном поселке, я двенадцатилетний, каждый день отправлялся в лес за дровами, с топором, конечно. А топор-то был уникальный — немецкий, трофейный, саперный, отец с войны привез. У этого небольшого топорика была такая сталь, такая сталь — я им гвозди перерубал. И вот как-то я оставил мой топорик на колоде, сам отлучился, а колода-то во дворе, а двор-то беззащитный, то есть беззаборный, прилегает прямо к улочке, по которой-то за день едва пройдет один-два человека, какой-нибудь сосед, и все. И вот я возвращаюсь к своей колоде, а топорика уже... тью-тю, нема. Кинулся туда-сюда, нет и все. Я к соседям: «Да тут две цыганки прошли». Цыганки прошли, но и время тоже прошло, кинулся искать цыганок, их и след простыл. С топориком они, наверное, ускоренным шагом промаршировали куда-нибудь в лес, благо, он рядом, к нам ужи во двор заползают, пьют молоко из кувшина, если мама не закрыла сковородкой...

Но это я вспомнил некстати, моя-то цыганочка тут при чем? Недолго я, однако, ей зубы заговаривал. Вот уже Изергиль просит меня остановиться, приехали, спасибо. Я взглянул на Эсмеральду. В печальном взгляде: нет, никаких театров и Ромэнов быть не может. Просто невозможно. Они снова пойдут по пыльным деревенским дорогам.

Когда стал отъезжать, положил руку на рычаг коробки передач. И вдруг увидел, что у подножия его, на резиновой гофре, лежит зеленая трехрублевая ассигнация. Тайная плата за проезд. Или явная благодарность за восхищение?

МОЛОТОБОЕЦ С ПОЛТАВЩИНЫ

Вдруг получаю письмо. Из далекого-далека женщина сообщает, что нашла в сети мой эмейл, мы земляки, учились в одной школе, правда она шла годом позже, а в моем классе училась ее старшая сестра Жанна.

Жанна! Вот это штука. Была, была с таким диковинным именем девочка. Такого имени не было, пожалуй, во всем районе, а не то что в нашей деревне. (Правда, были на селе два Жоржа, самые обычные рябые мужики, но почему-то не Егоры. Один из них, инвалид войны, был объездчиком, прозывали его Кибиткой, он хлестал пугой пацанов, забравшихся в колхозный, например, горох; умер он по ошибке — выпил, похмеляясь, кружку с керосином. Второй Жорж был у моего отца молотобойцем, сам гигант и молот пудовый. Так что с Жоржами дефицита не было. Но отставим этих бойцов ударного труда.) Жанна! Следующей Жанной, которую я по жизни встретил (прошло несколько лет), была лишь Жанна д'Арк, и то в учебнике.

С Жанной я не дружил. Была она какой-то отчужденной. Вообще она была не из крестьянской семьи! Приехали откуда-то они, странные люди, не крестьяне, поселились в хатке, нивой не занимались, отец Жанны стал работать, опять же, молотобойцем (Жорж-богатырь был уже потом). Ну и приходил он к моему отцу на дом, душевно были расположены. Помню стаканы с самогонкой (отец себе наливал полстакана этого напитка, вторую половину наполнял медом, размешивал, глотал — у него была жесткая язва желудка). Вели разговоры. Запомнилось поразившее: «Не хватает Пугачева! Пошли бы на Москву!» — говорил отец Жанны. «Да-да!» — поддакивал мой отец.

Позже, когда я купил толстенную тетрадь и сказал отцу: «Опиши свою жизнь», он в своих записях среди прочего вспомнил, как его вызывали в район, допрашивали: «Что говорит твой молотобоец про политику? Отвечай!» Отец отвечал, что его напарник несет какую-то чепуху, будто был в Москве видел Ворошилова, Молотова. «Да хто ж яму поверя? Бреша ен!» — заключал отец. Следовательно, вместо того, чтобы арестовать отца за неверие в демократию, записал его слова и отпустил дальше махать молотком.

А потом, тогда, в далеком 1953-м, семейка этого молотобойца-пришельца куда-то исчезла, растворилась, я лично, хоть и было мне всего 12 годиков, подозревал, что новая пугачевщина у нас надежно пресечена.

И вот, о, чудо, этот эмейл. Сестра Жанны пишет, что отец ее был танкистом, в Харьковском сражении в мае 42-го года попал в плен, из плена дважды бежал, но ловили, избивали. Освободили американцы, предлагали ехать в Америку, дескать, на родине тебя ждут лагеря, распишитесь собственноручно, сэр, вот здесь. Но бывший танкист Ветренко, до войны бывший парнем Ветренко с Полтавщины, собственноручно зачеркнул все пустоты на листе собеседования и подписал только то, что рас сказал. Ехать за бугор, точнее, за океан, согласия не дал.

Его, конечно, наши органы обнюхивали со всех сторон. В итоге зачислили в категорию «противостоял фашизму» (нашли-таки немецкие документы, что бежал из плена). Если бы был просто пассивным, молчим уж о пособничестве, то в лучшем случае отправили бы восстанавливать шахты Донбасса (так отправили моего знакомого, бывшего узника Освенцима с татуировкой №77722 и звездой Давида, у которого всю родню немцы «пустили в трубу»), а он выжил, потому как нужно же было кому-то таскать кирпичи). И вернулся Ветренко в свою семью, продолжавшую жить где-то в эвакуации, к двум своим невиданным девочкам, и поехали все вместе на историческую родину жены, в мою деревню. Девочки, как и все тогда, ели лебеду и возили в город продавать щавель, собранный в жарких лощинах, 5 копеек за пучок, столько же стоило стальное перышко, писать чернилами.

А потом подруга жены, работавшая в сельсовете, выкрала ее паспорт, и втихую по-быстрому укатили они в один из южных городов, где до войны жена работала в столовой, да и устроились там оба, он — электриком. Потом был съезд №20, просмотр дела, в военкомате ему вернули ордена и даже предложили заново стать членом партии. Но он не захотел.

Обе девочки получили высшее образование. Родители давно умерли, Жанна тоже недавно, 76 лет.

Пожалуй, и, правда, врал молотобоец Ветренко, что видел живых вождей.

ХУДОЖНИК RONA В МЕЛЬБУРНЕ

Художник Rona в Мельбурне рисует портреты женщин в заброшенных домах. На голых стенах. И это впечатляет.

А у меня перед глазами пример противоположный.

Мария гордилась сыном. Сын выучился настолько, что в бандитские 90-е уехал в Торонто, получил хорошую работу в хорошей фирме, обзавелся домом и дачей на Гуроне, горнолыжным отдыхом в Альпах.

Мария каждое лето летала за океан, жила у сына. В России случайным собеседникам порой говорила: «А вот в Канаде...»

В России она жила в квартире, принадлежавшей сыну, ему дали ее бесплатно, пока он здесь аспирантурил и написал диссертацию всемогущему шефу. То есть дали за то, что бесплатно учили.

Себя Мария любила не меньше, чем все люди любят себя. Одну стену посвятила его, повесила портрет своих юных дней, большой, в рамке под стеклом, сделанный с черно-белой фотографии, но художественно раскрашенный. И вдруг обнаружилось, что к портрету нельзя притрагиваться — напыленная краска осыпается. Здесь «притрагиваться» рифмуется со словом «трагедия». То есть Мария была ужасно расстроена. Идти к мужикам, которые схалтурили, не обсыпали лаком краску, дабы держалась, ей было страшно.

Мария приехала из провинции и ужасно боялась предьявлять кому бы то ни было, какие бы то ни было претензии. В Москве ее обманывали на каждом шагу, такой жизни она не понимала, но ничего поделать не могла.

Пришлось вмешаться брату, пойти в портретную контору и мягко потребовать перевыполнить заказ. Что было исполнено без звука и без денег, быстро и качественно. Больше портрет не осыпался. Мария была на нем в расцвете юных сил, поэт об этой фотографии писал: «...блоковский возвышенный запрос и в облике, и в облаке мышленья».

И вот Мария умерла. Сын квартиру продал. Пакуя наследство, несчетное число магазинных тележек свез на свалку, в том числе 8 толстостенных фотоальбомов, этапов большого жизненного пути — самолет не резиновый, все не впихнешь. Впрочем, фотографии были изъяты и уложены в пакеты.

Брат Марии пришел забрать лишние книги. На полу среди бумажного мусора он увидел смотрящий на него глаз Марии. Это был клочок ее цветного портрета, случайно не доехавший до помойки — был уронен.

Здесь слово «уронен» рифмуется со словом «рана».

И с художником Rona тоже.

СМЕРТНЫЙ ГРЕХ НА БУКВУ «ЗЭ»

Вы не знаете, какой смертный грех начинается на букву «зэ»? Тогда расскажу.

Жили-были Мария и Зоя.

Жили-дружили в одной комнате, пока учились в пединституте, в Смоленском, факультет историко-филологический. На каникулах ездили в гости друг к другу, обе были из одной области, брянские, сельские. Обе получили красные дипломы. А потом их распределили, но по-разному. Марии выпало работать в городе на Смоленщине, Рославль называется. Когда проходила преддипломную практику в этом городе, организовала в школе хор, школа стала более заметной, вот директор и написал в институт, чтобы Марию распределили к нему. А Зое выпала общая участь — поехать на три обязательных года на край Союза, в Таджикистан, учительствовать в ауле.

Расставшись, они переписывались. Здесь Мария в судьбе Зои сыграла свою филантропическую роль. Соединила Зою и рассорившегося с нею парня, все были из одной студенческой среды, написала им обоим убедительные письма. Ссора у них затянулась на год с лишним, и после института все уже жили в разных концах страны. Мария сумела найти такие слова каждому из них, что они и помирились, и потом съехались в России, и поженились, и понарожали детишек, и прожили вместе всю жизнь. А не написала бы Мария, скорее всего трещина между ними не склеилась никогда.

Вообще Мария умела писать убедительные письма. С такой распахнутостью душевной, что и в самых очерстневших натурах начинали пробиваться зеленые ростки. Переписывалась Мария со множеством людей, писала им, спутникам своей юности, не только вскоре после расставания, на свежести чувств, но и через десятки лет. А сказанное о филантропической роли — это не только о вербальном уровне. Нет, Мария всю себя отдавала людям, тому примеров множество, но идем дальше.

На восьмом десятке Мария стала писать книги. «Жизнь моя, или ты приснилась мне» — так называлась одна из книг, это же название подходит для всего сериала. Книги о своей жизни и, конечно, обо всех-всех. Книги со множеством фотографий — о, этих фотографий у Марии было с десятков толстых альбомов, она ценила запечатленные миги. Издавала книги небольшими тиражами, для раздачи действующим в них лицам. Послала и Зое.

И вот здесь наш контрапункт. На Зое споткнулась Мария, так неожиданно. Рассказывая в книге о своей подруге, Мария употребила слово «упорство». Своим упор-

ством Зоя в науках добилась отличности в учебе. Своим упорством в гимнастике добилась кандидатства в мастера. В ответ Зоя прислала: «Ты мне больше не пиши».

Да, именно так: «Ты мне больше не пиши».

Так 77-летней Зоей была предана 60-летняя преданность Марии ей. А разве виновата Мария, что у нее не было склонности к гимнастике, но был голос. Всю жизнь она пела и сольно, и учила других не только истории, но и петь. Она хотела петь со всеми.

УТОНУВШИЙ В ПОЖАРНОЙ ПЫЛИ

Марк Григорьев — поздний журналистский псевдоним Марка Григорьевича Шпильберга. Я с ним познакомился в 1961 г., мы оба учились в МВТУ им.Баумана, оба сотрудничали в институтской многотиражке «Бауманец», которой я, по тогдашней актуальности, придумал псевдоним «Женьминжибауманец». Голос у Марка был густой, иерихонский, а сам он был шупл, светел, по типуажу походил на другого Марка — Бернеса. Еще заметен был он тем, что евреев в Бауманку не принимали, а тут на тебе, да еще с такой «высокогорной» фамилией. Я знал, что он из подмосковного города с ужасным названием Электросталь. Расхваливал он вышедший тогда лихой американский фильм «Великолепная семерка». Когда его в чем-нибудь упрекали, отвечал: «Но я же хороший!» Помню, он опубликовал стихи, где были такие строки:

*Алибекский ледник —
он легенду хранит
про абрека Али,
конокрада Али,
утонувшего в снежной пыли.*

На Кавказе, в Домбае, у бауманцев была база отдыха. Ледник неподалеку.

Учились мы на разных факультетах и курсах, Марк шел года на два раньше меня. О нем рассказывали, будто бы в общежитии в Измайлове он, находясь у друзей, учинил хохму: изготовил чучело человека, привязал к нему бутылку с красной краской и посреди ночи выбросил из окна высокого этажа, с диким воплем. Была весенняя сессия, студенты не спали, многие окна общаги горели светом и были распахнуты в звездное мироздание. И вдруг душераздирающий крик и падающий вниз человек, глухой стук об асфальт, кровь... В общем, любил Марк яркие моменты жизни.

Однажды я ехал к приятелю — тоже студенту-бауманцу, тоже, как и я, из Донбасса, но жившему с женой на частной квартире. Собирались что-то отметить, у меня была бутылка коньяка. И вдруг вижу в трамвае Марка, приглашаю присоединиться. Приехали на Библиотечную улицу, стали смаковать коньячок и трепаться. Мы вспоминали шахты, Марк рассказывал про Казахстан, где он раньше бывал, про бешбармак, как его едят — «пятью пальцами»...

Как-то он меня наделил мохеровым шарфом — в то время очень модным, редким. Шарф мы располовинили, но вскоре мою коротышку украли в раздевалке студенческой столовой.

Потом жизнь закрутила нас в совершенно разных вихрях, мы не «пересекались». Когда в Бауманке появился Эдмунд Иодковский, который вел литобъединение и приводил на наши собрания разных уникамов, от Дира Туманного до смогистов, Марка уже не было.

Через много лет я увидел публикации Марка в журнале «Юность», он писал большие, с продолжением, очерки про стройку века — БАМ; видел что-то его я и в журнале «Рационализатор и изобретатель». Перо его уже имело псевдоним, но

«идентифицировать» было легко — в «Юности» печатали его пусть маленькое, но хорошо узнаваемое фото.

О трагедии 23 февраля 1991 года в Ленинграде я узнал из знаменитой в то переломное время телепередачи «600 секунд» Александра Невзорова. Было названо имя погибшего в огне, профессия, даже мельком показаны останки — что-то вроде груды пепла.

Потом разными путями я выведал, что Марк находился в Питере по заданию короткого «Огонька», готовил статью по рыбной мафии, уже собрал материалы. Не было сомнений, что его убили и, дабы замести следы, устроили «большой костер». Пожар произвел сенсацию также тем, что в нем сгорела целая группа тушителей, тогда говорилось о 15. Писали и о том, что во время этого пожара спасли — спустили по пожарной лестнице Марину Влади, жившую в гостинице этажом выше.

БЕГЛИК ТАШ

Очарованный и пораженный, делаю я эту запись. В Болгарии привезли меня в место, у которого есть название, но нет объяснения. Находится это место в бывшей заповедной зоне, куда при прежней власти пускали только верховного правителя страны. Огромные тысячетонные булыги навалены в необъяснимом порядке на сравнительно небольшой площадке. Сравнительно с чем? Ну, например, с вашим двором вместе с детской площадкой, где особенно не разгонишься, или с чашей стадиона, где разогнаться можно, но по доньшку. Булыги — разных размеров, на один из них можно взобраться, сначала по растущему рядом дереву, а потом еще прошагать вверх, уже по склону этого камня. Охотников, готовых проделать это, мало, но некоторые подростки из поколения зацеперов таки залазят.

Камень называется по-научному сиенит. Официальное объяснение такое: образовалось это семь миллионов лет назад, когда взорвался вулкан. Странно, однако, что осколки вулкана не похожи на взорванный небоскреб. Они уложены архитектурно, композиционно, как-то сложно, вычурно. Одна группа характеризуется как самый большой дольмен на земле. Ну да, внешняя схожесть с дольменами есть. Но дольмены ведь сооружения функциональные, предназначались для захоронения, что-то вроде склепов, и возраст их не мильены лет, а всего лишь «старше египетских пирамид». А тут что? И форма сооружения такова, что народное его прозвание «Вагина». Говорят, здесь было фракийское святилище. В одном камне высечена выемка наподобие кресла — здесь был трон жреца, он вел действие с жертвоприношениями. Допустим. Но кто обтесал эти мегаосколки, скруглил, поставил друг на дружку всего двумя точками опоры или почти впритык, с узкой вертикальной щелью, так, что туристы могут вщемляться и подползать, чтобы сделать впечатляющие снимки, — кто это подготовил?

Мы знаем валуны, принесенные ледником на равнины Европы, будто специально разложенные здесь для нужд хозяйства. Одну громадную гранитную булыгу притащили в Санкт-Петербург и обтесали под «медного всадника». Тащили волоком, впрягшись, тысячи мужиков, обвязав скалу веревками и подкладывая бревна. Но Беглик Таш все-таки размерами сильнее превосходит ту булыгу и не принесен, как утверждают очевидцы, ледником, ибо следов последнего здесь не обнаружено. Очевидцами я называю людей, которые смотрят на вещи глазами науки, а не третьим глазом. Но как раз эти-то мужи ученые, хоть и приезжают сюда подзарядиться энергией язычества и укладываются на «брачное ложе», ничего толком про Беглик Таш сказать не могут. Возможно, потому, что простыней на ложе лежит слой оставленных монет — символа нашего меркантильного времени, где все покупается и продается, даже в святилище, даже у идолов.

Как непонятно и то, почему на входе в это заповедное место сооружена вышка для расстрела кабанов и оленей — неужели стрелявшие здесь, на семимиллионно-летней поляне, пришельцы из XX кровавого века свято блюли традицию — приносили свою жертву?

ЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДУБЧЕКУ

Хороша страна Болгария.

Сидим в летней кухне в селе Маринка, что вблизи Бургаса. Ракия домашнего приготовления, форель, поджаренная на скаре. Хозяйка — молодая женщина, историк в школе. Ее дочь, ее копия — девочка Бажанка, завтрашняя, с 15 сентября, первокурсница, неугомонная, как ртуть, то и дело рвет наш разговор предложениями посостязаться. Сначала — в «борба» (рукоборство, есть такое жуткое слово — арм-рестлинг), всех уложила, потом в жмурки, потом еще во что-то... Бажанка неизменно выигрывала. Неизменно побеждала дружба — учтивость взрослых.

Спрашиваю хозяйку о предстоящем празднике 9 сентября — дне освобождения Болгарии от фашизма. «Как раз в этот день родилась моя жена», — говорю, сам очарованный таким совпадением. «У нас сейчас пересмотрена история, отношение к этому дню изменилось», — отвечает хозяйка... Секундная тишина, незримый щелчок, тема переключается. Обсуждать смысл исторических событий? Что Болгария, пусть без войск на советском фронте, но была в обнимку с Гитлером, отдавшись ему всеми ресурсами? Что потом было без единого выстрела советское присутствие и «стоит над горою Алеша»? Что теперь, когда Алеша назван оккупантом, жители Пловдива не позволили его снести? Зачем об этом спорить? Лучше пусть победит учтивость.

И мне вспомнился схожий разговор, давний, в конце 80-х. В Яблонце, в Чехословакии, я видел раненый угол кирпичного здания на центральной улице, отбитый выстрелом советского танка. Потом нас, двух залетных птичек из СССР, принимал мэр этого центра стразовой бижутерии, мы находились в его кабинете. Кинулось в глаза: там, где у нас в то время еще висело Политбюро в галстуках, здесь красовались короли в мантиях. Я спросил мэра, как он лично относится к Дубчеку. После событий 1968 года, когда, по шутке, наша дружба с ЧССР не знала границ, отправленный в отставку глава коммунистов этой страны доживал свой частный век. Из контактов с чешским рядовым окружением мне было известно, что люди с надеждой смотрят на начатые перемены в нашей стране. «Мое личное отношение к Дубчеку? — Официальное», — ответил мэр.

Так мог ответить чудесный идиот Швейк.

И это понятно.

Так уж устроено людское сообщество — мало кто распахивает душу, не получив официального позволения.

ИСТОРИЯ С ИОСИФОМ

Еврейский вопрос едва ли не главный в моей жизни. Тысячу историй-пересечений могу рассказать, для начала хоть вот эту.

Иосиф Меерович Коган достался мне по-родственному. Хотя еврейских кровей во мне нет. Даром что мама была Моисеевной. Но ведь и хороший мой знакомый, игравший мне на аккордеоне, Михаил Моисеевич Кибкалов, Герой Великой Отечественной, сбивший 17 самолетов врага, не был этническим братом Михаила Моисеевича Ботвинника, героя шахматных баталий.

Впрочем, не знаю. Вот если генетики найдут ген пророка Моисея сначала в сы-

нах Израилевых, и потом найдут его во мне, крестьянском потомке со Стародубщины, и найдут в летчике, крестьянском потомке с Полтавщины, тогда теорема будет доказана, почему бы нет.

Ося Коган достался мне через сестру Марию, вышедшую замуж за Самуила Давидовича. Ося был ему двоюродным братом. И жили они в провинции.

И вот провинция двинулась в столицу. Получив золотую медаль за школу, Ося решил поступать в мою Бауманку, где я уже закончил три курса. Я одобрил, он приехал сдавать экзамены. И тут досада, первый же экзамен — физика — двойка. Какое там существительное можно образовать от глагола опешить? То, что мы пешки?..

Сказать по правде, я не был готов тогда к такому повороту событий. Я был наивен и слеп, не всматривался в среду, где находился. Да, после второго курса мы поехали на целину, а с нами отряд старшеклассников от подшефной школы №345, у них старшим был Саша Либерман, у него дядя был ректором университета в Израиле, и я как-то спросил его, куда он будет поступать после школы — в МВТУ? — «Только не в МВТУ», — ответил он, а почему, не объяснил. Были и другие сигналы особого положения Бауманки, но я не обращал на них столь же особого внимания. В многотиражке вуза, где я стал готовить тематические полосы, главным редактором была Клара Аркадьевна Русакова, замечательный человек, и вообще русифицированные в Бауманке попадались, попадались...

В общем, завалить физику золотому медалисту — это был какой-то вызов, и я записался на прием к ректору. Прием был назначен дней через двенадцать, раньше никак. Ректор — он потом стал академиком РАН СССР, Героем Социалистического труда, лауреатом Государственной премии и пр., а тогда среди ряда важных титулов имел и такой — заслуженный деятель науки и техники. Все ему рассказываю: двойка никак *не заслуженная*, я, успешный бауманец, с этим абитуриентом занимался, золото его медали нефальшивое. Георгий Александрович Николаев, знавший все основные европейские языки, сказал мне ясным русским слогом: он может разрешить пересдачу, но ведь мой протезе уже *физически* (опять эта физика!) не успеет, осталось три дня, а экзаменов — пять...

На следующий год Ося поступил в железнодорожный, где раньше учился его братеник — вышеназванный Самуил Давидович, видать, там не было бауманских ограничений. Успешно окончил, стал работать в научном институте в Черноголовке, женился. Приезжал ко мне, упоенно читал наизусть Хайяма. Говорил, что лучше горы могут быть только горы. Увлёкся он скалолазанием, покорял семитысячники, стал кандидатом в мастера спорта, шел к титулу «снежного барса». Показывал, как он может, вцепившись одними коготками, одной руки, повиснуть на скале — что я, при всем моем, никогда. Его мама, тетя Соня, и жена его оттаскивали от опасного увлечения, он даже дал слово, что вот поднимется последний разок и завяжет.

Разок этот стал для него действительно последним. Уже заканчивалась альпинистская экспедиция, уже день был последний, завтра возвращаться. Решили сделать его тренировочным — взойти на четырехтысячник, Тютюбаши называется. Сверху ему крикнули «Берегись!», голову надо было прижать к скале, а он глянул вверх, и тут ему прилетел привет от Всевышнего — сорвавшийся камень тютюкнул его романтическую башу. Возвратился Ося запаянным в цинк.

Здесь ему тоже не выпала пересдача.

ПОРТРЕТ ЛАВРЕНТИЯ

Поносили-поносили (от слова «понос») Берия, который «вышел из доверия». Но вот наступили («нас тупили») иные времена, взошли иные имена. Новые имена стали

Берию возносить — и бомбу он сделал, и жене не изменял (некогда было!), а если шпионил, то в пользу нашего прогрессивного лагеря, молодец.

А я вспоминаю свои личные отношения с Лаврентием. Было мне лет пяток, лежу я напротив печки на настиле с дерюгой и смотрю на стену хаты. Стена белая, поштукатуренная, и висит на ней портрет, величиной в половину меня. Портрет без рамки, без стекла, просто белый глянецовый лист бумаги. Прибит к стене *щикатурными*, как у нас их называли, гвоздичками — тонкими, длинными. Чтобы шляпки не проваливались через глянец, на гвоздики нанизаны многослойные бумажные квадратики, сложенные из газеты. Портрет этот принес из лавки мой отец, дали на сдачу вместо мелочи. Может, мелочь и была, но надо же выполнять план и по выручке, и по членам Политбюро. И то ладно: украшений в хате никаких, даже ни образка. Мой отец ковал верил только в молоток и наковальню, да еще в свою молодость, когда был НЭП и красные девки, а образ «мы кузнецы и дух наш молод» был отчеканен на серебряных полтинниках.

Почему именно этот портрет, не знаю. Тогда если какие популярные имена проносились, то Ворошилов, Молотов, Штепсель и Тарапунька. А главным был другой, но его имя произносить избегали. Это вроде как древнего страшного Бэра называли описательно «мед ведающим», который однако оставил свои следы в языке — и в виде *берлоги*, и в виде *Берлина* с косолапым на гербе.

И вот лежу я под портретом и читаю под ним подпись по буквам, только-только сестра научила складывать звуковые кирпичики из азбуки: Л... а... Ла... вр... врен...т... тий... Пав... ло... вич... Бер... и... я...

Так я учился читать. Радостное было событие. Это помню. А вот, чтоб МАМА МЫЛА РАМУ — ей-ей, не припоминаю.

Игрушек в доме не было. Ни плюшевых, никаких. Но был-был у меня в детстве свой Бэр и... И был рядом маленький я.

ОКУРОК ВЫСОЦКОГО

Передаю, как слышал.

Моего знакомого Н., сейчас на пенсии известного археолога, а в молодости работавшего в «органах», направили в те времена в новый, недавно родившийся, пламенеющий красным квадратом эмблемы театр на Таганке, чтобы оформить на должность следящего за пожарной безопасностью. Ясное дело, следить надо было не только за вероятными источниками возгорания, но и за опасностью возгорания идеологического.

Прибыл Н. со своим наставником в театр, осмотрели закоулки здания, добрались до сцены. Там была группа актеров и среди них Высоцкий, начинающая восходить звезда. Поздоровались, представились. Тут Высоцкий, кончив курить сигарету, бросил окурочек за сцену. Новый пожарник, еще даже не вступивший в должность, сделал артисту замечание. «Да пошел ты!..» — раздраженно буркнул Высоцкий, вроде даже послал незваного режиссера на три буквы. В тот же час Н. сказал своему наставнику: «Не хочу я здесь работать!..»

Выслушав археолога, я поведал ему свою забавную историю. На автобусной остановке девушка, выкурив сигарету, бросила окурочек под ноги, на асфальт, хотя урна находилась в метре-полтора. Я был близко, сделал шаг к окурочку и опустил в разверстый зев по назначению. Прodelал это молча, на девушку и людей не смотрел. Но она видела, и все все видели. И хорошо, что видели. Девушка не смогла послать меня на три заветные буквы.